

УДК 906.2

DOI: 10.29039/2413-1741-2024-10-2-74-88

ТРИ САРМАТСКИХ ПОГРЕБАЛЬНЫХ КОМПЛЕКСА ИЗ СТЕПНОГО КРЫМА

Кропотов В. В.

*Институт археологии РАН,
г. Москва, Российская Федерация
E-mail: v-kropotov@bk.ru*

Анализируются три недавно открытых в Степном Крыму погребальных памятника I в. до н.э. – середины (?) I в. н.э. Их отличительные черты – использование для захоронения более древней курганной насыпи, преимущественная ориентация покойного в северный сектор, незначительная глубина погребения, немногочисленность инвентаря и т.д. – типичны для раннесарматских захоронений Северного Причерноморья. Именно поэтому рассматриваемые комплексы следует соотносить с данной культурной группой. Важно подчеркнуть, что, хотя масштабные полевые исследования последних лет охватили значительную часть степного пространства Крымского полуострова, пройдя его широкой полосой с востока на запад, сарматские памятники на большей части данной территории не выявлены. Вновь открытые комплексы расположены на Керченском полуострове и вблизи него, т.е. в тех районах, в которых захоронения сарматов были известны и ранее. Это лишь подтверждает уже сделанный вывод о размещении сарматских погребений в Степном Крыму только узкой полосой вдоль северной и северо-восточной границ региона, по побережью Черного моря и Сиваша. Такое расположение, по-видимому, маркирует путь древних кочевников из Поднепровья – одного из основных районов их расселения – к античным центрам Крымского полуострова, в частности Пантикапею, для осуществления торговых и иных взаимоотношений.

Ключевые слова: Степной Крым, сарматы, курганы, погребения, поздний эллинизм, раннесарматская культура, древние торговые пути.

Изучение подкурганных древностей степной части Крымского полуострова, начатое еще в XIX в., продолжается с разной степенью интенсивности вплоть до сегодняшнего дня. Однако общее число исследованных курганов и отдельных комплексов по-прежнему остается незначительным. Так, из примерно 16000 известных ныне курганных насыпей полному или частичному обследованию к началу 2000-х годов подверглось не более 800. Абсолютное большинство из них сооружены в эпоху бронзы, и лишь малая часть объектов датируется последующим временем – ранним железным веком и периодом средневековья. При этом едва ли не наименьшим количеством памятников представлены древности сарматского времени. К середине прошлого десятилетия удалось вычлнить всего 19 комплексов данного этапа [18, с. 23]. Все они являются впускными захоронениями в насыпи более древних курганов и, как правило, совершены в простых подпрямоугольных в плане могилах, ориентированных в северный сектор, в сопровождении достаточно скудного инвентаря. Определенной роскошью и даже богатством отличается лишь

широко известное захоронение в Ногайчинском кургане [14, с. 61–99; 28, с. 70–74; 41, с. 87–104].

Масштабные полевые работы последних лет, связанные со строительством крупных инфраструктурных объектов в Республике Крым, значительно увеличили доступный для анализа археологический материал. Вместе с тем, памятники сарматского времени степной части полуострова так и остались не многочисленными. В дополнение к уже изученным комплексам было выявлено всего три объекта. Это погребение 80 в кургане «Унгут-1» на юго-западной окраине пгт. Кировское – административного центра одноименного района, погребение 7 в кургане 1 близ с. Луговое Ленинского района и погребение 4 у с. Горностаевка того же района, впущенное в склон Узунларского вала. Указанные захоронения пока не включены в обобщающие аналитические исследования и не использованы в полноценных исторических реконструкциях, хотя обладают определенным научным потенциалом.

Цель данной работы – подробно описать и сопоставить вновь открытые памятники с установленной ранее системой представлений о хронологии и распространении сарматских древностей в Степном Крыму на основе их культурно-хронологического анализа.

Первым из перечисленных выше комплексов было открыто погребение 4 у с. Горностаевка, обнаруженное в 2016 г. отрядом Крымской новостроечной археологической экспедиции ИА РАН под руководством А. А. Супренкова в ходе изучения монументального архитектурного сооружения, условно названного «Боспорскими воротами». Последние представляли собой проезд шириной около 5 м через ров перед Узунларским валом, укрепленный с двух сторон массивными каменными стенами, сложенными из крупных рустованных блоков и более мелких необработанных плит [33, с. 328–333; 34, с. 247–254; 35, с. 150–153; 46, с. 138–155]. Захоронение 4 находилось непосредственно между каменными стенами этого проезда, под грунтовой засыпью, на склоне рва, на глубине 6,75 м от условного «0» (около 5 м от современной дневной поверхности) и было заглублено в материк на 0,15–1,25 м. В качестве погребального сооружения использована простая подпрямоугольная в плане могила размером 1,9 × 0,6 м, ориентированная поперек склона рва с северо-запада на юго-восток. Покойная (женщина 50–60 лет¹) располагалась на дне могилы вытянуто на спине головой на северо-запад. При ней находились: справа от черепа – гончарный сероглиняный кувшин (рис. 1,4); близ него, поверх костей предплечья – гончарная сероглиняная миска (рис. 1,5) с костью животного; у юго-западной стенки могилы, под миской – бронзовое зеркало (рис. 1,6) и железный нож (рис. 1,7); около черепа, близ правого виска – две бронзовые серьги (рис. 1,2); у шейных позвонков – гагатовые подвески (рис. 1,1); на запястьях и у голеней – стеклянные бусы (рис. 1,3) [19, с. 115–117; 23, с. 281–283].

¹ Определение врача Керченского отделения ГБУЗ РК «Крымское республиканское бюро судебно-медицинской экспертизы» Д. Ю. Пономарева.

Погребение 80 в кургане «Унгут-1» изучено в 2019 г. отрядом Крымской новостроечной археологической экспедиции ИА РАН под руководством И. В. Рукавишниковой. Оно представляло собой захоронение мужчины в возрасте 30–40 лет¹, совершенное вытянуто на спине головой на север, выявленное в слое погребенной почвы на глубине 1,6 м от вершины кургана, в 3 м к юго-востоку от его центра. Погребальное сооружение – простая подпрямоугольная в плане могила длиной около 2,3 м, шириной до 0,85 м – практически полностью разрушено перекрывавшими его погребениями Нового времени. При захоронении обнаружены: за головой – лепной горшок (рис. 2,1) и кость животного с железным ножом (рис. 2,2), у шейных позвонков – бронзовая фибула (рис. 2,3), близ левого локтя – стеклянная бусина (рис. 2,4). В нарушенной перекопом части заполнения могилы находился каменный оселок (рис. 2,5), скорее всего, также связанный с данным комплексом [21, с. 175–177; 27, с. 347].

Погребение 7 в кургане 1 у с. Луговое исследовано в 2021 г. экспедицией ООО «Таврическое археологическое общество» совместно с Институтом археологии Крыма РАН под руководством С. Г. Колтухова. Оно располагалось в северо-восточной части курганной насыпи, в 16,5 м к востоку-северо-востоку от ее центра, на глубине 1,65 м от вершины, в слое погребенной почвы. Контуры погребального сооружения полностью проследить не удалось. Покойный (ребенок 1–1,5 лет²) был уложен вытянуто на спине головой на юго-восток. От скелета сохранился только череп и отдельные кости правой руки. Остальная часть останков смещена при разборе насыпи. При погребении выявлены: за головой – лепной горшок (рис. 3,1) и кость животного, под нижней челюстью – подвеска из египетского фаянса в виде фигурки бога Беса (рис. 3,2) [15, с. 162].³

Сравнивая описанные выше комплексы с уже известными сарматскими погребальными памятниками Степного Крыма, следует отметить их сходство как по погребальному обряду, так и по составу и размещению сопутствующего инвентаря. Все три захоронения впущены в уже существующие насыпи на относительно небольшую глубину: два – в курганы эпохи бронзы (курган «Унгут-1», погребение 80; Луговое, курган 1, погребение 7), одно – в склон грунтового вала/рва (Горностаевка, погребение 4). В качестве погребальных сооружений использованы простые подпрямоугольные в плане могилы, в которых покойные уложены вытянуто на спине головой в северный (курган «Унгут-1», погребение 80; Горностаевка, погребение 4) или, как исключение, южный сектор (Луговое, курган 1, погребение 7). Остатки заупокойной пищи – керамические сосуды, нож и кости животных – располагались у головы усопшего. Личные вещи – серьги, зеркало, фибула, бусы – находились среди костных останков.

¹ Определение научных сотрудников Лаборатории контекстуальной антропологии Института археологии РАН А. М. Юдиной и М. А. Самородовой.

² Определение старшего научного сотрудника Научно-исследовательского центра истории и археологии Крыма Крымского Федерального университета В. Ю. Радочина.

³ Автор выражает признательность ведущему научному сотруднику Института археологии Крыма РАН С. Г. Колтухову за возможность опубликовать данный материал.

Из четырех сосудов, найденных в описываемых захоронениях, два гончарные сероглиняные античного производства и два лепные, вероятно, изготовленные самими сарматами. Почти равное соотношение лепной и гончарной посуды наблюдалось и в материалах других сарматских захоронений Степного Крыма [18, с. 24].

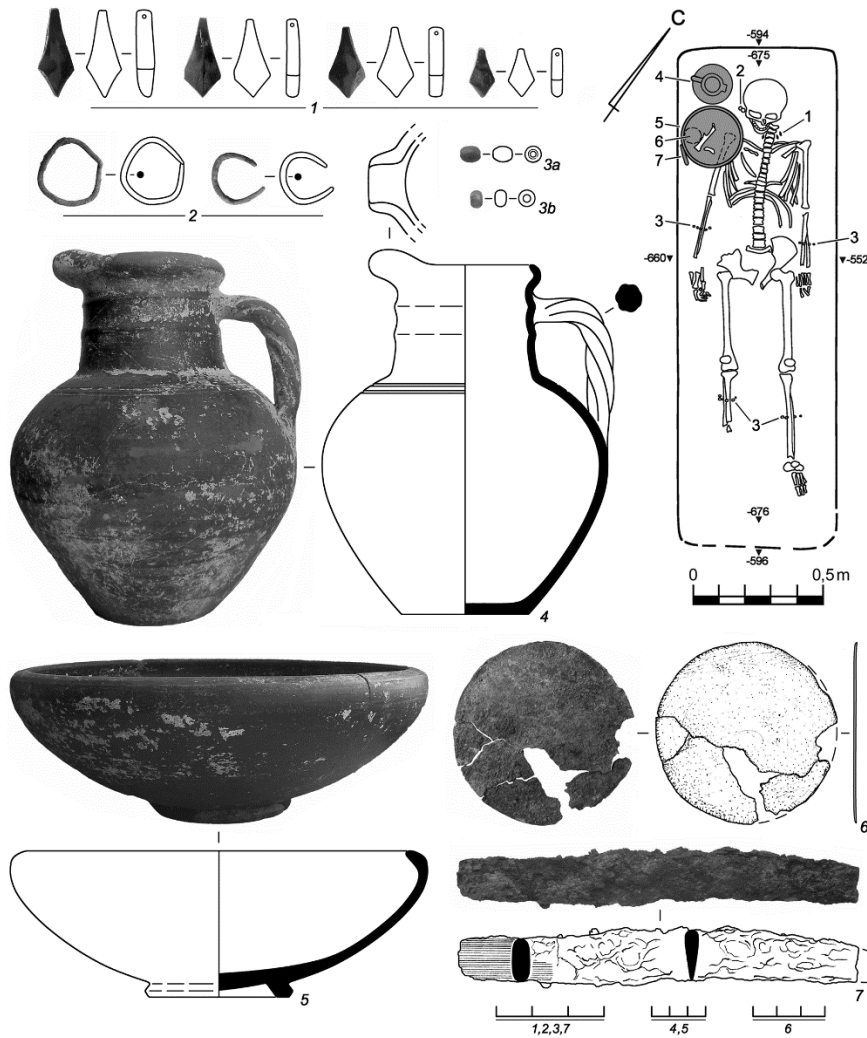

Рис.1. План и инвентарь погребения 4 у с. Горностаевка. 1 – стеклянные бусы, 2 – сероглиняная миска, 3 – бронзовые серьги, 4 – бронзовое зеркало, 5 – гагатые подвески, 6 – железный нож, 7 – сероглиняный кувшин

Гончарные сосуды, происходящие из погребения 4 у с. Горностаевка, представлены кувшином и миской. Кувшин имеет грушевидное тулово, плоское дно и прямое украшенное двумя рельефными валиками/гофрами горло, снабженное коротким носиком-сливом; вертикальная ложновитая ручка верхним краем закреплена непосредственно под загнутым внутрь венчиком, нижним – чуть выше места наибольшего расширения тулова; плечики орнаментированы двумя параллельными врезными линиями; высота сосуда 19,5 см, диаметр венчика 7,5 см, диаметр дна 7 см, максимальный диаметр тулова 15,9 см (рис.1,4). Аналогичные кувшины наиболее характерны для нижнеднепровских позднескифских городищ – Золотобалковского, Гавриловского, Любимовского и др., где находки целых форм исчисляются десятками [7, с. 193–194; 16, с. 97; 26, с. 227], но известны и в Ольвии, с которой исследователи связывают производство данной посуды [10, с. 90; 16, с. 97; 26, с. 227], а также в сарматских захоронениях Северного Причерноморья [6, с. 40, рис. 2,6; 31, с. 158, рис. 1,5]. К сожалению, точные датировки этих изделий в литературе отсутствуют: лишь А. В. Гудкова и В. В. Крапивина осторожно допускают их бытование в I – первой половине II вв. н.э. [10, с. 102]. Вместе с тем, на Крымском полуострове находки однотипных сероглиняных кувшинов, хоть и единичны, отмечены только в культурных отложениях второй половины I в. до н.э. – начала I в. н.э. [5, с. 38, рис. 3,9; 24, с. 295].

Гончарная миска из этого же комплекса характеризуется низким кольцевым поддоном и почти полусферическим туловом с загнутым внутрь утолщенным венчиком; высота изделия 8,2 см, диаметр венчика 21,2 см, диаметр кольцевого поддона 8,1 см, максимальный диаметр тулова 23 см (рис. 1,5). Данные образцы типичны как для памятников Нижнего Поднепровья, так и для более западных областей, где являются одним из наиболее популярных типов посуды [8, с. 306; 11, с. 2–3; 12, с. 9]. Для Крыма более характерны их красноглиняные аналоги, датировка которых, в отличие от сероглиняных образцов, определена достаточно точно – их использовали преимущественно в I в. до н.э. – начале/первой половине I в. н.э., в более позднее время бытовали только покрытые красным лаком изделия [13, с. 54–56; 38, с. 143 и сл., рис. 10, 8–9; 40, с. 90–91].

Оба лепных сосуда, найденные в погребении 80 кургана «Унгут-1» и в погребении 7 кургана 1 у с. Луговое, – простые лощеные горшки вытянутых пропорций. Первый имеет округлое тулово, чуть уплощенное дно и короткое горло с плавно отогнутым наружу венчиком. Керамический материал сосуда рыхлый, темно-серого цвета, с большим количеством включений, поверхность слегка залощена. Высота изделия 14,4 – 14,5 см, диаметр венчика 9,8 см, диаметр дна 5,6 см, максимальный диаметр тулова 13,1 см (рис. 2,1). Второй образец близок по форме предыдущему, но обладает более плавными очертаниями; его венчик лишь слегка отогнут наружу и украшен по краю насечкой. Керамический материал изделия тоже рыхлый, с большим количеством включений. Высота горшка около 16 см, диаметр венчика 10 см, диаметр дна 8 см, максимальный диаметр тулова 13 см (рис.3,1). Следует отметить, что лепные сосуды аналогичных размеров и

пропорций в сарматских погребениях встречаются нередко и бытуют достаточно длительный промежуток времени, а потому узких датировок не предусматривают.

Определенную хронологическую информацию дают другие находки из описываемых захоронений, в частности бронзовое зеркало из погребения 4 у с. Гоностаевка. Этот образец имеет круглую форму диаметром 7,6 см, следов орнамента или крепления ручки на нем не отмечено (рис. 1,6). А.М. Хазанов относит такие предметы к типу VIB, а время их появления – к концу III в. до н.э., отмечая наибольшее распространение в I в. до н.э. – I в. н.э. [39, с. 62, 64]. Тем же периодом, т.е. преимущественно I в. до н.э. – I в. н.э., датируют данные изделия и другие исследователи (см., например: [9, с. 89–91; 32, с. 153; 38, с. 255]).

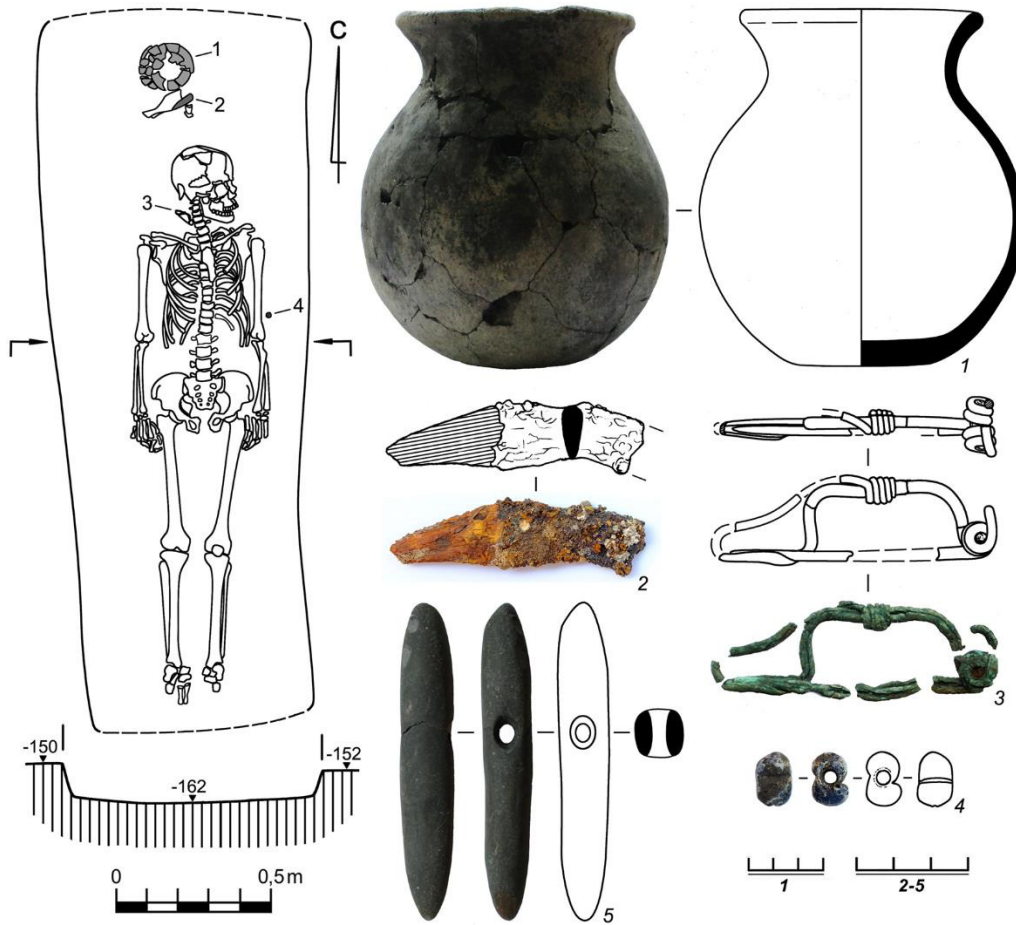

Рис. 2. План и инвентарь погребения 80 кургана «Унгут-1». 1 – лепной горшок, 2 – железный нож, 3 – бронзовая фибула, 4 – стеклянная пронизь, 5 – каменный оселок

Очень выразительна и информативна бронзовая застежка-фибула из погребения 80 кургана «Унгут-1». Она одночленная, проволочная, среднелатенской схемы. Ее низкий резко изогнутый корпус под прямым углом переходит в короткую ножку, от бокового края которой отогнут узкий приемник-«лодочка». Свободный конец ножки, загнутый вверх и назад к дужке, закреплен на ней с помощью четырехвитковой завязки. Симметричная шестивитковая пружина намотана на короткую железную ось и снабжена невысокой поднятой вверх тетивой. Длина изделия около 7,6–7,7 см, высота корпуса 2,4 см, ширина пружины 1,5 см (рис. 2,3).

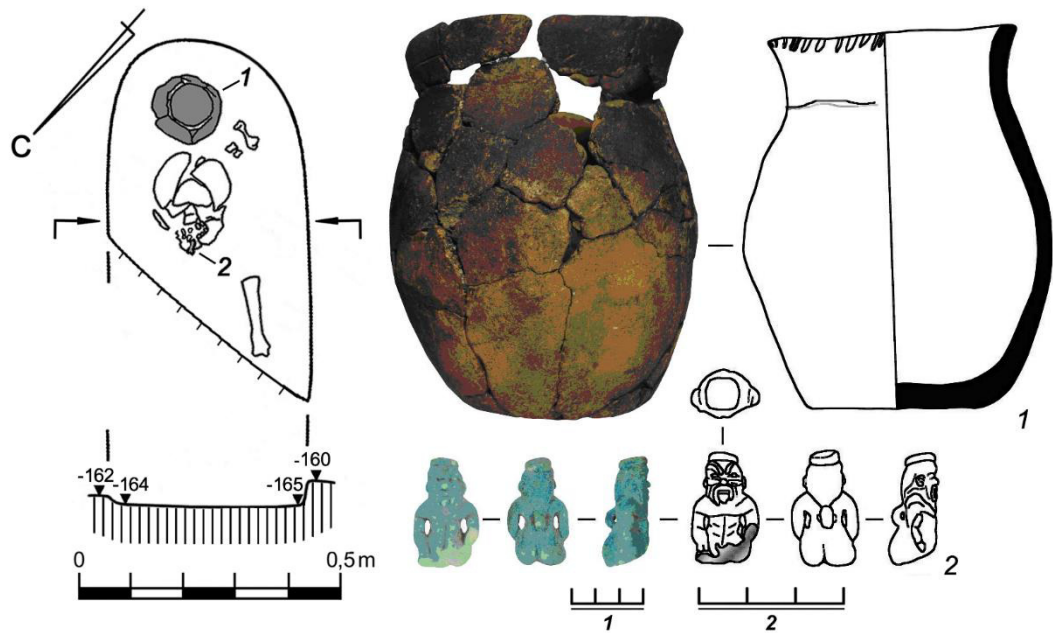

Рис. 3. План и инвентарь погребения 7 из кургана 1 у с. Луговое. 1 – лепной горшок, 2 – фаянсовая подвеска

По внешним признакам, таким как вытянутый корпус, угловатые очертания, наличие завязки, намотанной на дужку слева направо, фибулу следует соотносить с ранними надвязными застежками так называемого «неапольского» варианта (группа 2, подгруппа 3, «неапольский» вариант по классификации А. К. Амброза; группа 2, серия II, вариант 1 по типологии В. В. Кропотова), датировка которых определяется в пределах второй половины или последней четверти II – первой половины I вв. до н.э. [3, с. 22, табл. 2,12; 17, с. 50, рис. 21,1–6; 25, с. 200, рис. 4,1–3]. Однако нехарактерная для «неапольских» образцов короткая шестивитковая пружина сближает находку с ранними фибулами среднелатенской схемы скрепленной конструкции (группа 2, подгруппа 3, «проволочные среднелатенские фибулы Северного Причерноморья (со скрепой)» по классификации А. К. Амброза; группа

2, серия I, вариант 1 по типологии В. В. Кропотова), бытовавшими в то же время [3, с. 21, табл. I,15; 17, с. 44, рис. 19,1–4; 25, с. 197 и сл., рис.2]. Короткая четырех- или пятивитковая пружина известна также у надвязных фибул «беляусского» варианта, но последние резко отличаются от публикуемого образца как более высоко и плавно изогнутой дужкой, так и завязкой, всегда намотанной в обратном направлении – справа налево [17, с. 48–50, рис. 21,7–10; 25, с. 200–201, рис. 4,4–9].

В этой связи, фибулу из погребения 80 кургана «Унгут-1», скорее всего, следует рассматривать как своеобразный гибрид между ранними скрепленными и надвязными "неапольскими" образцами, отнеся ее ко второй половине/последней четверти II – первой половине I вв. до н.э. При этом следует отдать предпочтение поздней части указанного периода, т.е. началу – первой половине I в. до н.э., в виду наличия в облике изделия отдельных поздних элементов, в первую очередь небольших общих размеров, относительно короткого приемника и наклоненной в сторону дужки тетивы, не типичных для ранних экземпляров [17, с. 43, 48, рис. 19,1–4, 21,1,5]. Кроме того, на I в. до н.э., как на наиболее вероятную датировку изделия, указывает стеклянная пронизь из этого же комплекса – она двудольчатая из глухого синего стекла, относится к типу 155 по классификации Е. М. Алексеевой, наиболее характерному для этого и последующего столетий [2, с. 72]. Длина и ширина пронизи 0,9 см, высота 1,5 см (рис. 2,4).

Единственная хронологически показательная находка, выявленная в погребении 7 кургана 1 у с. Луговое, – подвеска из египетского фаянса, выполненная в виде фигурки бога Беса. Последняя сохранилась лишь фрагментарно, нижняя часть изделия утрачена. Длина имеющегося фрагмента 2,4 см, ширина 1,4 см, толщина до 0,9 см (рис. 3,2). Е. М. Алексеева, уделившая фаянсовым изделиям достаточно много внимания, отнесла подобные образцы к типу 35 своей классификации и датировала I – II вв. н.э., отметив начало широкого распространения в Северном Причерноморье фаянсовых изделий в целом еще во второй половине предшествующего столетия [1, с. 28, 38–39]. Другие исследователи против такого определения не возражают.

Происходящие из погребения 4 у с. Гоностаевка бусы представлены двумя типами: бочковидными из глухого грязно-синего стекла (43 экз.; рис.1,3a) и округлыми поперечно-сжатыми из прозрачного бесцветного стекла с внутренней металлической прокладкой (172 экз.; рис.1,3b). Первые в классификации Е. М. Алексеевой соотносятся с типом 28 и датируются III – II вв. до н.э., вторые соответствуют типу 1a по этой же схеме, бытовавшему преимущественно в III – I вв. до н.э., но имевшему хождение и в первые века н.э. [2, с. 29, 65]. Обнаруженные в том же погребении гагатовые стрелковидные подвески (4 экз.) имеют почти правильную ромбовидную форму, максимально расширяющуюся в нижней части, ближе к заостренному концу; размеры изделий 1,3 – 2,5 × 0,7 – 1,0 см, толщина 0,3 – 0,5 см, диаметр сквозного отверстия 0,1 см (рис.1,1). Е. М. Алексеева появление подобных подвесок относит ко II в. до н.э., однако пик их популярности отмечает в более позднее время – в I в. н.э. [2, с. 18, тип 84].

Каменный оселок, происходящий из нарушенной перекопом части заполнения погребения 80 кургана «Унгут-1», имеет вытянутую брусковидную форму с сильно сглаженными углами и ребрами, придающими ему плавные очертания. Почти в центре, с небольшим смещением к верхнему краю в изделии просверлено округлое отверстие для подвешивания. Длина оселка 8,5 см, ширина и высота 1,3 см, диаметр отверстия 0,4 см (рис. 2,5). Следует отметить, что хотя данный предмет отнесен к рассматриваемому комплексу условно, близкие ему по форме и размеру образцы хорошо известны в раннесарматских погребальных памятниках Северного Причерноморья (см., например: [4, рис. 1,6; 22, рис. 5,3; 28, рис. 6,1д, 8,3г, 9,4в, 14,1г; 37, рис. 254,4; и др.]), поэтому его связь с описываемым комплексом не только представляется вполне вероятной, но и указывает на раннесарматскую культурную принадлежность захоронения.

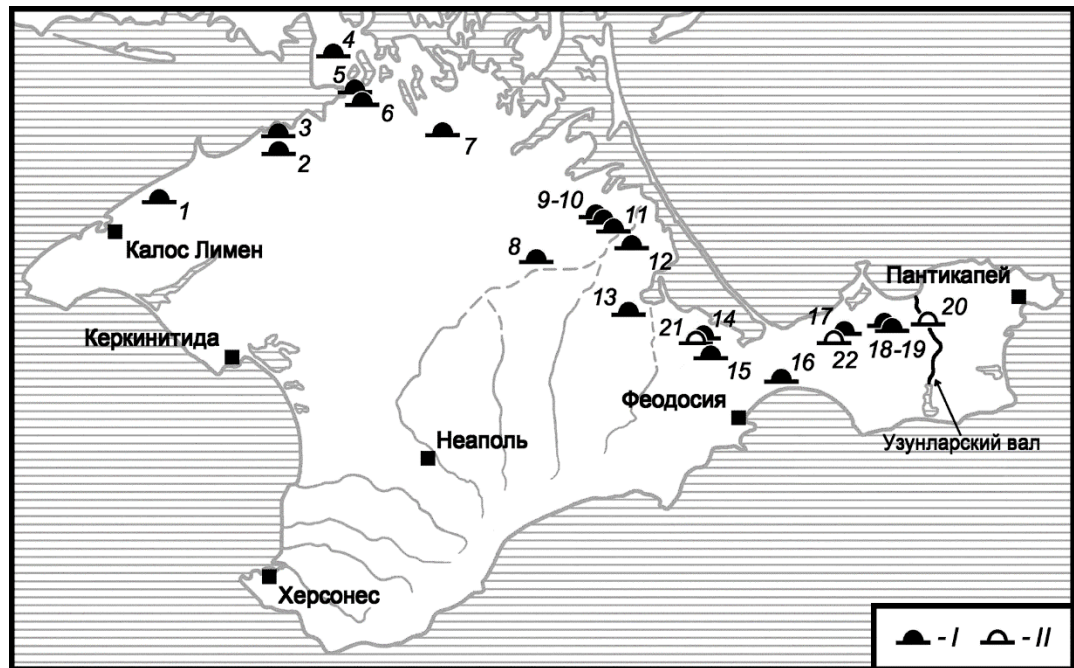

Рис. 4. Сарматские погребальные памятники в Степном Крыму: 1 – Владимировка, курган 2/1988 г., погребение 21; 2 – Кропоткино, курган 5, погребение 2; 3 – Портовое (ур. Сары-Булат), курган 2, погребение 7; 4 – Рисовое, курган 5, погребение 61; 5 – Красноперекопск, курган 15, погребение 3; 6 – Ииунь, курган 22, погребение 2; 7 – Источное, курган 1, погребение 2; 8 – Червоное, курган 5 (Ногайчинский), погребение 18; 9, 10 – Чкалово, курган 1, погребения 1 и 2; 11 – Заливное, курган 1931 г., впускное погребение; 12 – Емельяновка, курган 1, погребение 15; 13 – Советский, курган 1, погребение 8; 14 – Кировское, курган 1, погребение 1; 15 – Яркое Поле, курган 1, погребение 5; 16 – Дальние Камыши, курган

3, погребение 1; 17 – Ильичево, курган 1, погребение 3; 18, 19 – Астанино, курган 3, погребение 1 и курган 23, погребение 1; 20 – Горностаевка, погребение 4, 21 – Кировское, курган «Унгут-1», погребение 80, 22 – Луговое, курган 1, погребение 7. I – памятники, известные до 2016 г.; II – памятники, открытые в 2016 – 2021 гг.

К сожалению, остальные находки из рассматриваемых погребений – бронзовые проволочные серьги (диаметр 1,8 и 1,4 см) (рис. 1,2) и железные ножи (длина 6,9 (фрагмент) и 11 см) (рис. 1,7; 2,2) – узких датировок не предусматривают.

Проведенный выше анализ позволяет предложить для анализируемых комплексов достаточно узкие хронологические определения. Так, погребение 80 в кургане «Унгут-1» по наличию в нем фибулы среднелатенской схемы и двудольчатой пронизи из глухого синего стекла, по-видимому, следует датировать началом – первой половиной I в. до н.э. Скорее всего, ко второй половине этого столетия или ко времени, близкому к рубежу нашей эры, можно отнести погребение 4 у с. Горностаевка, содержащее помимо прочего, гончарные сероглиняные кувшин с гофрированным горлом и носиком-сливом, а также миску с полусферическим туловом и загнутым внутрь венчиком. Инвентарный комплекс погребения 7 из кургана 1 у с. Луговое включал лишь одну хронологически показательную находку – подвеску из египетского фаянса в виде фигурки бога Беса, на основании которой памятник уже чем I – II вв. н.э. датирован быть не может. Вместе с тем, нельзя не отметить, что все известные сарматские захоронения Степного Крыма были совершены в относительно короткий временной промежуток, завершившийся не позднее I в. н.э., причем возможность их бытования даже во второй половине этого столетия является дискуссионной (см., например, диспут о датировке погребения в Ногайчинском кургане – литература: [18, с. 29–30]). В этой связи, с высокой долей вероятности хронологическое положение погребения 7 в кургана 1 у с. Луговое может быть ограничено I в. н.э. с уклоном в первую половину – середину этого столетия. Общая же датировка рассмотренных комплексов, таким образом, в целом укладывается в рамки I в. до н.э. – середины (?) I в. н.э., что полностью соответствует хронологическому положению всех известных ныне сарматских погребальных памятников Степного Крыма [18, с. 30].

Такие признаки погребального обряда рассмотренных захоронений, как использование для погребения уже существующей курганной насыпи, преимущественная ориентация покойного в северный сектор, незначительная глубина могилы, малочисленность инвентаря и т.д., типичны для раннесарматских погребений Северного Причерноморья [18, с. 24; 20, с. 155–158; 29, с. 34–38; 30, с. 190–193]. В этой связи, рассмотренные комплексы, безусловно, следует соотносить именно с этой культурной группой.

Интересно отметить, что, хотя масштабные полевые исследования последних лет охватили значительную часть степного пространства Крымского полуострова, пройдя его широкой полосой с востока на запад, сарматские захоронения на большей части этой территории не выявлены. Все три рассмотренных выше комплекса расположены на Керченском полуострове и вблизи него, т.е. в тех

районах, в которых погребальные памятники сарматов были известны ранее. Это подтверждает уже сделанный вывод о размещении сарматских погребений на Крымском полуострове только узкой полосой вдоль северной и северо-восточной границ региона по побережью Черного моря и Сиваша – от Перекопа до мыса Тарханкут на западе и Керченского полуострова на востоке (рис. 4) [18, с. 23–24; 19, с. 117]. Подобное расположение, по-видимому, маркирует путь древних кочевников из Поднепровья – одного из основных районов их расселения – к городским центрам Крымского полуострова, в первую очередь к Пантикапею, для осуществления торговых и иных взаимоотношений.

Таким образом, результаты интенсивных полевых исследований последних лет подтверждают существующие представления о датировке и распространении сарматских погребальных памятников в Степном Крыму и предоставляют новый интересный материал, дополняющий наши знания о кочевниках региона.

Список используемых источников и литературы

1. Алексеева Е. М. Античные бусы Северного Причерноморья // Свод археологических источников. – Вып. Г1-12. – М.: Наука, 1975. – 120 с.
Alekseeva E. M. Antichnye bussy Severnogo Prichernomoria // Svod arkheologicheskikh istochnikov. – Вып. G1-12. – М.: Nauka, 1975. – 120 s.
2. Алексеева Е. М. Античные бусы Северного Причерноморья // Свод археологических источников. – Вып. Г1-12. – М.: Наука, 1978. – 124 с.
Alekseeva E. M. Antichnye bussy Severnogo Prichernomoria // Svod arkheologicheskikh istochnikov. – Вып. G1-12. – М.: Nauka, 1978. – 120 s.
3. Амброз А. К. Фибулы юга Европейской части СССР II в. до н.э. – IV в. н.э. // Свод археологических источников. – Вып. Д1-30. – М.: Наука, 1966. – 150 с.
Ambroz A. K. Fibuly iuga Evropeiskoi chasti SSSR II v. do n.e. – IV v. n.e. // Svod arkheologicheskikh istochnikov. – Вып. D1-30. – М.: Nauka, 1966. – 150 s.
4. Безуглов С. И., Глебов В. П. Раннесарматское погребение с двумя мечами из могильника Суходюдеревский II // Война и военное дело в скифо-сарматском мире. Материалы Международной научной конференции, посвященной памяти А. И. Мелюковой (Кагальник, 26–29 апр. 2014 г.). – Ростов-на-Дону: Изд-во ЮНЦ РАН, 2015. – С. 28–31.
Bezuglov S. I., Glebov V. P. Rannesarmatskoe pogrebenie s dvumya mechami iz mogilnika Sukhoduderevskij II // Voyna i voennoe delo v skifo-sarmatskom mire. Materialy Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii, posvyashchennoj pamiaty A. I. Melyukovoj (Kagalnik, 26–29 aprelya 2014 g.). – Rostov-on-Don: SSC RAS Publ., 2015. – S. 28–31.
5. Бейлин Д. В. К изучению хронологии укрепленной усадьбы I в. до н.э. на поселении Бондаренково III // XV Боспорские чтения: Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Актуальные проблемы хронологии. Материалы международной научной конференции. – Симферополь; Керчь, 2014. – С. 34–42.
Bejlin D. V. K izucheniyu khronologii ukreplenoj usad'by I veka do n.e. na poselenii Bondarenkovo III // XV Bosporskie chteniya. Bospor Kimmerijskij i varvarskij mir v period antichnosti i srednevekov'ya. Aktual'nye problemy archeologii. Materialy mezhdunarodnoj konferentsii. – Simferopol-Kerch, 2014. – S. 34–42.
6. Березовец Д. Т. Розкопки курганного могильника эпохи бронзы та скіфського часу в с. Кут // Археологічні пам'ятки УРСР. – Київ: Вид-во АН УРСР, 1960. – Т. IX. – С. 39–87.
Berezovets D. T. Rozkopky kurgannogo mogil'nika epokhi bronzy ta skifs'kogo chasy v s. Kut // Arheologichni pam'yatky URSR. – Kiev: AS USSR Publ., 1960. – Т. IX. – С. 39–87.
7. Вязьмитина М. И. Золота Балка. – Київ: Видавництво АН УРСР, 1962. – 240 с.
Vjaz'mitina M. I. Zolota Balka. – Kiev: AN USSR Publ., 1962. – 240 s.

8. Гаврилюк Н. А., Крапивина В. В. Кухонная и столовая керамика позднескифских городищ Нижнего Поднепровья // Сто лет черняховской культуре. Киев, 1999. – С. 298–321.
- Gavrilyuk N. A., Krapivina V. V. Kukhonnaya i stolovaya keramika pozdneskifskikh gorodishch Nizhnego Podneprov'ya // Sto let chernjahovskoj culture. – Kiev, 1999. – S. 298–321.
9. Глухов А. А. Типология и хронология зеркал среднесарматского времени (по материалам междуречья Волги и Дона) // Нижневолжский археологический вестник. – 2003. – Вып. 6. – С. 89–102.
- Glukhov A. A. Tipologiya i khronologiya zerkal srednesarmatskogo vremeni (po materialam mezhdurech'ya Volgi i Dona) // Nizhnevolzhskij arheologicheskij vestnik. – 2003. – № 6. – S. 89–102.
10. Гудкова А. В., Крапивина В. В. Сероглиняная гончарная керамика Ольвии первых веков нашей эры // Античные древности Северного Причерноморья. – Киев: Наукова думка, 1988. – С. 82–103.
- Gudkova A. V., Krapivina V. V. Seroglinyanaya goncharnaya keramika Ol'vii pervykh vekov hashey ery // Antichnye drevnosti Severnogo Prichernomor'ya. – Kiev: Naukova dumka publ., 1988. – S. 82–103.
11. Гудкова А. В., Крапивина В. В. Сероглиняная керамика Тиры, Ольвии и памятников черняховской культуры. – Киев, 1990. – 48 с. (Препр./ АН УССР. Институт археологии)
- Gudkova A. V., Krapivina V. V. Seroglinjanaya keramika Tiry, Ol'vii i pamjatnikov chernjahovskoj kultury. – Kiev, 1990. – 48 s. (Preprint / Institut arheologii AN USSR)
12. Гудкова А. В., Малюкевич А. Е. Сероглиняная кружальная керамика поселений на Днестровском лимане (первая четверть I тыс. н.э.) // Stratum plus. – 1999. – № 4. – С. 8–18.
- Gudkova A. V., Malukevich A. E. Seroglinjanaya kruzhal'naya keramika poselenij na Dnestrovskom limane (pervaya chetvert' I tys. n.e.) // Stratum plus. – 1999. – № 4. – S. 8–18.
13. Журавлев Д. В. Краснолаковая керамика Юго-Западного Крыма I – III вв. н.э. (по материалам позднескифских некрополей Бельбекской долины) // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. – Supplementum. – 2010. – Вып. 9. – 320 с.
- Zhuravljov D. V. Krasnolakovaya keramika Yugo-Zapadnogo Kryma I – III vv. n.e. // Materialy po arheologii, istorii i etnografii Tavrii. – Supplementum. – 2010. – Vyp. 9. – 320 s.
14. Зайцев Ю. П., Мордвинцева В. И. «Ногайчинский» курган в степном Крыму // Вестник древней истории. – 2003. – №3. – С. 61–99.
- Zajtsev Ju. P., Mordvintseva V. I. «Nogajchinskij» kurgan v stepnom Krymu // Vestnik drevnej istorii. – 2003. – № 3. – S. 61–99.
15. Колтухов С. Г., Новиков С. А., Цапко С. А. Раскопки кургана на Парпачском гребне // История и археология Крыма. – 2022. – Вып. XVII. – С. 162–163.
- Koltukhov S. G., Novikov S. A., Tsapko S. A. Raskopki kurgana na Parpachskom grebne // Istoriya i arheologiya Kryma. – 2022. – Vyp. XVII. – S. 162–163.
16. Крапивина В. В. Сероглиняная керамика Любимовского городища // Археологические исследования на Украине в 1978 – 1979 гг. Тезисы докладов XVIII конференции Института археологии АН УССР. – Днепропетровск, 1980. – С. 97.
- Krapivina V. V. Seroglinjanaya keramika Ljubimovskogo gorodishcha // Arheologicheskie issledovanija na Ukraine v 1978 – 1979 gg. Tezisy dokladov XVIII konferentsii Instituta arheologii AN USSR. – Dnepropetrovsk, 1980. – S. 97.
17. Кропотов В. В. Фибулы сарматской эпохи. – Киев: АДЕФ-Украина, 2010. – 384 с.
- Kropotov V. V. Fibuly sarmatskoj epokhi. – Kiev: ADEF-Ukraina Publ., 2010. – 384 s.
18. Кропотов В. В. Сарматские погребальные памятники Степного Крыма // Нижневолжский археологический вестник. – 2016. – Т.15. – №1. – С. 22–39.
- Kropotov V. V. Sarmatskie pogrebal'nye pamjatniki Stepnogo Kryma // Nizhnevolzhskij arheologicheskij vestnik. – 2016. – T.15. – No.1. – S. 22–39.
19. Кропотов В. В. Раннесарматское захоронение в Восточном Крыму // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4. История. Регионоведение. Международные отношения. – 2018. – Т. 23. – № 3. – С. 114–125.
- Kropotov V. V. Rannesarmatskoe zakhoroneniye v Vostochnom Krymu // Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedeniye. Mezhdunarodnyye otnosheniya. – 2018. – T. 23. – № 3. – S. 114–125.

20. Кропотов В. В. К проблеме выделения раннесарматских памятников Северного Причерноморья // Крым в сарматскую эпоху. – 2019. – Вып. V. – С. 154–160.
 Kropotov V. V. K probleme vydeleniya rannesarmatskikh pamyatnikov Severnogo Prichernomor'ya // Krym v sarmatskuyu epokhu. – 2019. – Vyp. V. – S. 154–160.
21. Кропотов В. В., Рукавишникова И. В., Бейлин Д. В. К вопросу о времени появления сарматов в Степном Крыму // Нижневолжский археологический вестник. – 2022. – Т. 21. – № 2. – С. 174–183.
 Kropotov V. V., Rukavishnikova I. V., Bejlin D. V. K voprosu o vremeni poavleniya sarmatov v Stepnom Krymu // Nizhnevolzhskij arkhelogicheskij vestnik. – 2022. – T. 21. – № 2. – S. 174–183.
22. Кропотов В. В., Скворцов Н. Б. Сарматские погребения из курганного могильника «Попов-1» на Дону // Археологическое наследие. Античность. Скифы. Сарматы. – 2020. – №1(3). – С. 351–359.
 Kropotov V. V., Skvortsov N. B. Sarmatskie pogrebeniya iz kurgannogo mogilnuka «Popov-1» na Donu // Arkheologicheskoe nasledie. Antichnost'. Skify. Sarmaty. – 2020. – № 1(3). – S. 351–359.
23. Кропотов В. В., Супренков А. А. Погребение I в. до н.э. на Узунарском валу // XVIII Боспорские чтения. Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Торговля: пути – товары – отношения. Материалы международной научной конференции. – Симферополь; Керчь, 2017. – С. 281–286.
 Kropotov V. V., Suprenkov A. A. Pogrebenie I v. do n.e. na Uzunlarskom valu // XVIII Bosporskie chteniya. Bospor Kimmerijskij i varvarsij mir v period antichnosti i srednevekovja. Torgovlja: puti – tovary – otnosheniya. Materialy mezhdunarodnoj nauchnoj konferentsii. – Simferopol; Kerch, 2017. – S. 281–286.
24. Ланцов С. Б. Комплекс находок первой четверти I в. н.э. из поселения Кульчук в Северо-Западном Крыму // XVIII Боспорские чтения. Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Торговля: пути-товары-отношения. Материалы международной научной конференции. – Симферополь; Керчь, 2017. – С. 293–299.
 Lantsov S. B. Kompleks nakhodok pervoj chetverti I v. n.e. iz poseleniya Kul'chuk v Severo-Zapadnom Krymu // XVIII Bosporskie chteniya. Bospor Kimmerijskij i varvarsij mir v period antichnosti i srednevekovja. Torgovlja: puti – tovary – otnosheniya. Materialy mezhdunarodnoj nauchnoj konferentsii. – Simferopol; Kerch, 2017. – S. 293–299.
25. Михлин Б. Ю. Фибулы Беляусского могильника // Советская археология. – 1980. – № 3. – С. 194–213.
 Mikhlin B. Yu. Fibuly Belyausskogo mogil'nika // Sovetskaya arkheologiya. – 1980. – № 3. – S. 194–213.
26. Никоненко Д. Д. Сіроглиняна кераміка пізньоскіфських городищ Нижнього Дніпра // Емінак: науковий щоквартальник. – 2016. – № 4(16). – С. 225–232.
 Nikonenko D. D. Siroglynyana keramika pizn'oskifskyykh gorodishch Nyzhn'ogo Dnipro // Erminak: naukovij shchokvartal'nik. – 2016. – № 4(16). – S. 225–232.
27. Рукавишникова И. В., Бейлин Д. В., Волошинов А. А. Исследование погребальных памятников в Кировском районе в 2019 году // История и археология Крыма. – 2020. – Вып. XIII. – С. 345–354.
 Rukavishnikova I. V., Bejlin D. V., Voloshinov A. A. Issledovanie pogrebal'nykh pamyatnikov v Kirovskom rajone v 2019 godu // Istoriya i arkheologiya Kryma. – 2020. – Vyp. XIII. – S. 345–354.
28. Симоненко А. В. Сарматы Таврии. – Киев: Наукова думка, 1993. – 144 с.
 Simonenko A. V. Sarmaty Tavrii. – Kiev: Naukova dumka Publ., 1993. – 144 s.
29. Симоненко О. В. Раннесарматський період у Північному Причорномор'ї // Археологія. – 1994. – № 1. – С. 32–48.
 Simonenko O. V. Rann'osarmatskij period u Pivnichnomu Prychornomor'j // Arkheologiya. – 1994. – № 1. – S. 32–48.
30. Симоненко А. В. Раннесарматский период в Северном Причерноморье // Золото, конь и человек. – Киев: ИД Скиф, 2012. – С. 187–206.
 Simonenko A. V. Rannesarmatskij period v Severnom Prichernomor'e // Zoloto, kon' i chelovek. – Kiev: ID Skif Publ., 2012. – S. 187–206.
31. Симоненко А. В., Полин С. В. «Раннесарматские» погребения Северного Причерноморья // Золото, конь и человек. – Киев: ИД Скиф, 2012. – С. 155–176.

- Simonenko A. V., Polin S. V. «Rannesarmatskie» pogrebeniya Severnogo Prichernomor'ya // Zoloto, kon' i chelovek. – Kiev: ID Skif Publ., 2012. – S. 155–176.
32. Скрипкин А. С. Азиатская Сарматия. Проблемы хронологии и ее исторический аспект. – Саратов: изд-во СГУ, 1990. – 300 с.
- Skripkin A. S. Aziatskaja Sarmatia. Problemy khronologii i eje istoricheskij aspekt. – Saratov: Saratov State University Publ., 1990. – 300 s.
33. Супренков А. А. Боспорские ворота – новейшее открытие при раскопках на Узунларском валу // Элита Боспора и Боспорская элитарная культура. Материалы международного Круглого стола. – СПб.: ПАЛАЦЦО, 2016. – С. 328–333.
- Suprenkov A. A. Bosporskie vorota – novejshee otkrytie pri raskopkakh na Uzunlarskom valu // Elita Bospora i Bosporskaja elitarnaja kultura. Materialy mezhdunarodnogo Kruglogo stola. – SPb.: PALAZZO Publ., 2016. – S. 328–333.
34. Супренков А. А. Раскопки на Узунларском валу в 2016 г.: хронология и интерпретация основных построек // Древности Боспора. – 2018. – Т. 23. – С. 230–256.
- Suprenkov A. A. Raskopki na Uzunlarskom valu v 2016 g.: khronologiya i interpretatsiya osnovnykh postroek // Drevnosti Bospora. – 2018. – T. 23. – S. 230–256.
35. Супренков А. А. К хронологии валов Восточного Крыма (по результатам работ 2015–2018 гг.) // Краткие сообщения Института археологии РАН. – 2021. – №264. – С. 148–164.
- Suprenkov A. A. K khronologii valov Vostochnogo Kryma (po rezultatam rabot 2015 – 2018 gg.) // Kratkie soobshcheniya Instituta arkheologii RAN. – 2021. – № 264. – S. 148–164.
36. Супренков А. А., Михайлов А. М., Столяренко П. Г., Топоривская М. А., Требухина Н. Ю. «Боспорские ворота» в Восточном Крыму: обзор археологического материала // Российская археология. – 2020. – №3. – С. 138–158.
- Suprenkov A. A., Mikhajlov A. M., Stolyarenko P. G., Toporivskaya M. A., Trebukhina N. Yu. «Bosporskie vorota» v Vostochnom Krymu: obzor arkheologicheskogo materiala // Rossijskaya arkheologiya. – 2020. – № 3. – S. 138–158.
37. Супруненко О. Б., Шерстюк В. В. Курганы Нижнего Припсiлля. – Киев, 2011. – 472 с.
- Suprunenko O. B., Sherstyuk V. V. Kurhany Nyzhn'oho Prypsillya. – Kiev, 2011. – 472 s.
38. Труфанов А. А. Хронология могильников Предгорного Крыма I в. до н.э. – III в. н.э. // Stratum plus. – 2005–2009. – № 4. – С. 117–328.
- Trufanov A. A. Khronologiya mogilnikov Predgornogo Kryma I v. do n.e. – III v. n.e. // Stratum plus. – 2005–2009. – № 4. – S. 117–328.
39. Хазанов А. М. Генезис сарматских бронзовых зеркал // Советская археология. – 1963. – № 4. – С. 58–71.
- Khazanov A. M. Genezis sarmatskikh bronzovykh zerkal // Sovetskaja Arkheologija. – 1963. – № 4. – S. 58–71.
40. Храпунов И. Н., Масыкин В. В., Мульд С. А. Позднескифский могильник у с. Кольчугино // Бахчисарайский историко-археологический сборник. – 1997. – Вып. 1. – С. 76–155.
- Khrapunov I. N., Masyakin V. V., Muld S. A. Pozdneskifskij mogilnik u s. Kolchugino // Bakhchisarajskij istoriko-archeologicheskij sbornik. – 1997. – Vyp. 1. – S. 76–155.
41. Ščepinskij A. Über die Aristokratie der Sarmaten im nördlichen Schwarz-meergebiet // Zeitschrift für Archäologie. – 1994. – Vol. 28. – S. 87–106.

V. Kropotov. Three Sarmatian funeral complexes from the steppe Crimea

The work analyzes three recently discovered burial monuments of the 1st century BC – mid (?) 1st century AD in the Steppe Crimea. Their distinctive features are the use of an older kurgan for burial, the predominant orientation of the deceased to the northern sector, the insignificant depth of the burial, the paucity of grave goods, etc. – typical for early Sarmatian burials of the Northern Black Sea region. Therefore, the complexes under consideration should be correlated specifically with this cultural group. It is important to emphasize that, although large-scale field research in recent years has covered a significant part of the steppe space of the Crimean Peninsula, passing through it in a wide strip from east to west, Sarmatian monuments have not been identified in most of this territory. The newly opened complexes are located on the Kerch Peninsula and near it, i.e. in those areas in which Sarmatian burials were previously known. This only

confirms the conclusion already made about the location of Sarmatian burials in the Steppe Crimea only in a narrow strip along the northern and north-eastern borders of the region, along the coast of the Black Sea and Sivash. This location, apparently, marks the path of the ancient nomads from the Dnieper region – one of the main areas of their settlement – to the ancient centers of the Crimean Peninsula, in particular Panticapaeum, to carry out trade and other relationships.

Keywords: Steppe Crimea, Sarmatians, mounds, burials, late Hellenism, early Sarmatian culture, ancient trade routes.